

*Sergey R. Karpenko,
Researcher of Philosophy Department,
Dnepropetrovsk National University n.a. Oles Honchar*

Discourse Of Power And Discourse Of The Masses: The Philosophical Repositioning In The Postmodern Era

Keywords: *discourse of power, discourse of masses, repositioning, postmodern, speech act.*

Annotation: *Paper examines the discourse of power and mass as specific philosophical phenomena at the beginning of the XXI century. Discussed features of the modern and postmodern power status in cooperation with the masses. Clarified the effect of status positions of power on the content of the discourse. The aim of the article is to identify the classical sense of the phenomenon of power and discursive practices, as well as the establishment of ways to display these practices in a postmodern worldview. Proved that the restrictive potential of power's discourse in post-modern world is transformed into a factor of its identification as a simple discursive communities. Considered signs of repositioning the discourses of power and as a process of internalization of the masses in the social fabric of the postmodern.*

Преобразование предметного поиска современной философии отражается на взглядах относительно специфики современного бытия в XXI веке. Постмодернистская традиция, представленная М. Фуко, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида, выступает с критикой одномерности, линейности, прогрессизма в общественной жизни. Среди прочего, данный философское направление предоставляет альтернативного толкования понятию дискурса. Дискурс становится особой реальностью, отделенной от смысложизненных позиций модерна, среди которых присутствуют иерархия авторитетов, уважение к постоянным формам общения, традиционность и историзм в смысловом построении высказываний. Дискурсивная реальность является способом метафорического утверждения авторства, свободы высказываний и фактического упорядочения той или иной части смысловой реальности. Относительно значения дискурса власти, общая дискурсивная природа человеческого общения, как во временном, так и пространственном измерении, определяется не только как дискурс субъекта речи, а также и дискурса о власти как конститутивного фактора наполнения смыслами феномена власти как таковой.

Программное содержание философии власти заключается, прежде всего, в определении условий властной деятельности и специфики властной онтологии. В рамках основных классических концепций бытия человека власть воспринимается как негативистский фактор, способ преобразования действительности путем применения насилия и принуждения. Время властная онтология раскрывается через дискурс власти,

из-за необходимости осуществления властных положений в жизнь. Дискурс власти является до той степени самостоятельным и отделенным от остальных дискурсов, насколько он является публично воплощенным, то есть, является открытым для рассмотрения в обществе. Кроме того, спецификой властного дискурса является его закрытость и ограниченность доступа со стороны объектов властного воздействия. В связи с этим, дискурс власти имеет эндогенные черты и специфику языковых выражений, а также смыслы, присущие только властным практикам.

Психологическое толкование дискурсов власти дает возможность применения психоаналитического подхода, который, в свою очередь, выделяет паранойальные склонности в высказываниях у тех, кто занимает руководящие должности. В частности, в работах Э. Фромма (5) А. Гитлер рассматривался как выразитель определенной законченной ситуации дискурса власти, обусловленного психоаналитическими факторами. В настоящий момент необходимым является рассмотрение дискурса власти как определенного надиндивидуального явления. Поэтому дискурс (дискурсы) власти должна рассматривать более широкая парадигма, и в этом плане парадигма постмодерна, несмотря на все ее особенности, является весьма перспективным средством. По нашему мнению, она позволяет развернуть (репозиционировать) содержание и форму дискурсов власти и масс с точки зрения основных принципов постмодернистского общества: критики авторства, критики субъекта, критики всеобщих (общеобязательных) смыслов и норм.

Среди последних исследований и публикаций по теме дискурсов власти и масс, на которые опирается автор, доминирует властно-центричный, или даже сущностно-властный подход. Современные ученые пытаются исходить из вневременного содержания властных отношений и роли власти в обществе. Они указывают на то, что рефлексия над бытийной-ценностным смыслом проблемы человек – власть «обнаруживает новые тенденции философии мира как философии человека, сферы познания и научной деятельности» (3, р.60). В статье И. Мамаева (3), утверждается, что генезис власти как определенной социальной ткани, рассредоточен по всему полю социальной ткани, в толковании М. Фуко связывается с начале XVIII века. Система власти выражает себя не через право, а через определенную технику с помощью не закона, а нормы не через контроль, а осуществляет себя на таких уровнях, которые выходят за пределы государства и его аппарата. Задачи власти сводятся к воздействию на возможности действия одних индивидов, а управление ими сводятся к структурированию возможного поля действия других. В статье А. Конова современные позиции власти можно разделить на две основные группы в зависимости от традиций, которые используются – конфликтная и консенсусная (2, р.44). Согласно А. Конову, в борьбе за навязывание легитимного видения социального мира, в которую неизбежно вовлечена и наука, агенты имеют власть, пропорциональную их символическому капиталу. Есть, поэтому признанию, которое они получают от группы, эта символическая сила видения и предвидения направлена на внушение принципов видения и распределения этого мира, которая позволяет изменять и навязывать восприятие с целью сохранения и трансформации социального мира (2, р. 44–45). В статье Е. Цыбулевский и К. Анкудиновой, для переходных состояний типичным

является смешивание различных вариантов частично легитимных типов. Сама же дихотомия легитимных и нелегитимных не достаточна для анализа реальности и сегодня аналитики пытаются построить теоретическую модель легитимности, определить степень легитимности власти. Оценка состояния легитимности оказывается достаточно субъективной из-за проблемности и неточности полученных данных (7, р. 195). Эти тенденции определяют необходимость раскрытия нелинейного значения и направленности дискурсивных практик власти и масс и их взаимного отображения в среде, в которой статус вещателя не является решающим, а предыдущие нарративы не определяют исходные позиции суждений.

Таким образом, дискурс власти имеет автономный статус, обусловленный стратегиями описания его специфики. Кроме того, дискурс власти имеет самостоятельную перспективу. Выявление содержания постструктуралистского толкования отношений власть – массы способствовало установлению специфики дискурса власти. Отсюда есть два уровня осмысления дискурсивной специфики. С одной стороны – это точка зрения смысложизненных потребностей власти, с другой – основы философского дискурса о власти со стороны интериоризированных во властный контекст конкретных личностей. В связи с этим целью данной работы является выявление классических смыслов феномена власти и ее дискурсивных практик, а также установление способов отображения этих практик в постмодернистском мировоззрении.

Основное содержание статьи

Основополагающими принципами понимания дискурса власти являются экологические и экзистенциальные особенности власти как феномена бытия. Ее значение для сферы обретения истины и смысл в жизненных принципов является фундаментальным, поскольку власти составляет основу социального подчинения всего человечества. По мнению современных ученых, в частности, М. Колесова, «власть трактуется как определенный феномен бытия, сущность которого вечна и неизменна, меняются только формы ее представления» (1, р.2). Отсюда ключевым является представление о стабильности форм и внутреннего содержания речей, которые выражают властные спикеры.

Психосоциальное значение власти также определяет ее дискурс. Представление о власти на обыденном уровне определяют степень ее универсальности и степень влияния на процессы бытия. Именно поэтому образ власти является неотъемлемой частью характеристик ее дискурса. Так же, как и ее сущностные составляющие, атрибутами дискурса власти, таким образом, является субъективное восприятие, которое в каждом историческом контексте наделяет власть определенными контекстными чертами. По мнению М. Колесова, «власть трактуется как ноумен сознания, как некая идея власти. Носителем идеологической концепции власти становится конкретный субъект (Государь). Идея власти – это идея, в которую должны

верить те, кем эта власть управляет. Такая власть существует до тех пор, пока в нее верят» (1, р.2).

Репозиционирование философского значения дискурса власти в условиях постмодерна демонстрируется на примере переходного общества. В условиях неустойчивости идейных и нормативных ориентиров как управляемых, так и управляющих, дискурсивная компетенция власти рассматривается в контексте субъективного психологического восприятия. В связи с этим дискурс власти формируется как дискурс переходных учреждений и институтов. Указанные локусы «властного присутствия» не соответствуют признакам системности и иерархии, свойственным эпохе модерна. Однако они не в полной мере получили черты, присущие постмодерному социуму (радикальный плюрализм, антропоцентризм, толерантность). По мнению Е. Цыбулевской, неотъемлемой чертой переходного общества является появление в нем новых возможностей властвования и его новых организационных форм. «Государство создает институты, которые локализуют риски распада в определенных зонах, или институтах, те, которые поглощают без определенной защиты и даже трансформируются в формы креативного поведения, системы переподготовки, психологической поддержки», считает современная ученая (8, р. 169).

Изменение позиции дискурсов власти и масс как автономных явлений, а также их взаимных отражений друг в друге в условиях постмодерна приобретает формы отделения и сочетания. По мнению А. Маркеса и К. дель Мар Ривас, общение лидеров с массами может быть описано в стратегиях интеграции и сегрегации. «Интеграция говорящего в сообщество, сегрегация оппонента от всего сообщества, а также стратегии, которые не допускают сегрегации адресата от сообщества к которому тот принадлежит и чья поддержка ему необходима» (4, р. 72). Основным орудием убеждения, согласно испанскими учеными, служат идеи сообщества. Более того, властная манипуляция позволяет оправдать, среди прочего, военные действия против оппонента (в частности, в контексте событий 11 сентября 2001).

Основой понимания специфики дискурса власти являются также логические отношения между объектами и субъектами власти, а также взаимодействие, которое определяет содержание и направленность дискурса, или как взаимобмена, или как фактор доминирования субъекта над объектом. Важными для понимания дискурса власти являются антропологические характеристики власти, которые накладывают на процесс властвования отпечаток межлических взаимоотношений, что имеет отражение в дискурсивных высказываниях и сообщениях. По мнению М. Фуко, «власть не принадлежит изначально ни человеку (как «способность»), ни обществу (как «возможность»), а приобретает («осваивается») в процессе развития отношений между ними. Поэтому «власть» не может быть «данностью» (которую можно «взять» или «потерять») и не может быть «установлением» («Указом», «Законом»). Она представляет собой своеобразный «общественный договор» между субъектом и объектом власти (который может быть отнюдь не добровольным, а принудительным). При «расторжении» этого «договора» исчезают одновременно и субъект, и объект власти» (6).

Одной из ведущих характеристик дискурса власти является властное влияние на области коммуникативной деятельности. Среди них, одними из основных является ограничительные действия власти, которые отражаются не только на предметах регулирования, но и на смыслах многих употребляемых понятий и на общей структуре построения знания. Все это свидетельствует о дискурсе не только, как о проявлении речевой активности, но также и о факторе преобразования социальной реальности. По мнению М. Фуко «в обществе, подобном нашему, конечно же, известны процедуры исключения. Очевидная и самая привычная из них – это запрет. Нам хорошо известно, что говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, что не всякому можно говорить о чем угодно» (6). Табуизация определенных областей человеческих взаимоотношений играет роль структурообразующих элемента человеческой деятельности и упорядочение межчеловеческих взаимодействий.

Также дискурс власти имеет побудительное действие, направляет развитие морфологические основы знаний народа (масс) о власти. Кроме того, дискурс власти выступает механизмом отбора смыслов в человеческом общении на основе определенных норм, которыми руководствуются властные субъекты. Согласно М. Фуко, «табу на объект, ритуал обстоятельств, привилегированное или исключительное право говорящего субъекта – здесь мы имеем дело с действием трех типов запретов, которые пересекаются, усиливают друг друга или компенсируют, образуя сложную решетку, которая непрерывно меняется. Отмечу лишь, что в наши дни областями, где решетка эта наиболее уплотнена, где растет число черных клеток, есть области сексуальности и политика» (6). Соответствие ритуала является одним из важных организующих факторов дискурса власти, повторяемость дискурсивных действий, речей, повелений формирует особую форму дискурса.

Внешние признаки властного дискурса просматриваются как в античных ритуальных формулах, так и в современных эвфимизмах и официальном языке власти. Поэтому дискурс власти, в большей степени, имеет признаки формальности, что отличает его от обыденного дискурса. «Еще у греческих поэтов VI века истинным стилем – в точном и ценностно значимом смысле, – истинным стилем, перед которым испытывали уважение и ужас, которому действительно нужно было подчиняться, потому что он господствовал, был дискурс, произнесенный, во-первых, в соответствии с должным ритуалом; это был дискурс, который вершил правосудие и приговаривал каждого к его судьбе; это был дискурс, который, предвидя будущее, не только возвещал то, что должно произойти, но и способствовал его осуществлению, притягивал и увлекал за собой людей и вступал, таким образом, в сговор с судьбой», указывает М. Фуко (6). Чертой дискурса власти является отношение к ошибочному и истинному, что определяет отстранение дискурса власти от поэтики и эстетических приемов, несмотря на их большое значение в речевой практике современных политических лидеров.

Не смотря на роль красноречия в политических речах, тем не менее, дискурс власти находится за пределами эстетического пространства он является однозначным и содержательным. Как указывает М. Фуко, «... через века высшая правда больше уже не

состояла ни в том, чем был дискурс, ни в том, что он делал, – она состояла теперь в том, что он говорил: пришел день, когда истина переместилась с акта высказывания – ритуализованного, действенного и справедливого – к тому, что собственно высказывается: к его содержанию и форме, его объекту, его отношению к своему референту. Между Гесиодом и Платоном установилось определенное разделение, отделяющее истинный дискурс от дискурса ложного. Разделение – новое, поскольку истинный дискурс не является больше чем драгоценным и желанным и поскольку теперь уже дискурс не связан с отправлением власти. Софист изгнан» (6). Однозначность властного дискурса заключается в претензиях властных выступающих на утверждение истины, которая соответствует истине и, более того, имеет более обязывающих значений для всех кто понимает текст выступления.

Дискурс власти является также проявлением интенции к утверждению единого понимания, построенного не на основании консенсуса, а на основе властных отношений, то есть, доминирование, признание легитимности и т. д. «Это историческое разделение добавило, несомненно, общую форму нашей воли к знанию. Однако она постоянно перемещалась: возможно, большие научные мутации и могут иногда читаться как следствия какого-либо открытия, но они могут читаться также и как результат появления новых форм свободы до истины. В XIX веке мы, конечно, имеем дело с такой волей к истине, которая ни задействованными в ней формами, ни областями объектов, к которым она обращается, ни техниками, на которые она опирается, не совпадает с той волей к знанию, которая характерна для классической культуры» (6).

Постсовременная философия дискурса раскрывает особый статус дискурса власти, его отстаивания специфики и особенностей, связанных, в основном, с властным статусом говорящего. Дискурс о власти, в отличие от дискурса власти как таковой, определяется критическими сентенциями ее оппонентов. Дискурс власти, напротив, является однонаправленным, вспомогательным, организующим фактором общественного дискурса, то есть совокупностью высказываний со стороны властных статусных субъектов речи. Дискурс выступает в виде ритуала, а также как определенная совокупность, последовательность действий. Поэтому, дискурс власти не просто упорядочивает употребление слов и понятий, но и закрепляет их на определенный период времени, самостоятельно производит нормативный нормальный статус дискурса. «Самая поверхностная и зримая форма этих систем ограничения конституируется тем, что можно было бы объединить под именем ритуала; ритуал определяет квалификацию, которой должны обладать говорящие индивиды (которые в игре диалога, вопрошания или повествования должны занимать вполне определенную позицию и формулировать высказывания вполне определенного типа); ритуал определяет жесты, поведение, обстоятельства и всю совокупность знаков, которые должны сопровождать дискурс; он, наконец, фиксирует предполагаемую или вменяемую действенность слов – их действие на тех, к кому они обращены, и границы их принудительной силы. Религиозные, юридические, терапевтические, а также частично – политические дискурсы совершенно неотделимы от такого выполнения ритуала, который определяет для говорящих субъектов одновременно и их особые

свойства и отведенные им роли» (6). Отсюда особенностью дискурса власти следует считать также ее эндогенность и замкнутость (герметичность) речей и общих утверждений со стороны властей.

Таким образом, фукоистская модель дискурса власти становится основой для определения тех его черт, которые не присущи общему дискурсу, определяются особым семантическим пространством, имеют строгую внутреннюю организацию и интериоризированное внутреннее содержание, которые не демонстрируются широкой публике. Особый статус дискурса власти, а именно его закрытость, становятся образцом и исходным пунктом в отношении других дискурсивных практик в обществе, обеспечивают формирование определенной градации определенных дискурсивных взаимодействий в обществе.

Выводы

Основными чертами властного дискурса является интериоризация понятий, описывающих управления массовыми обществами, а также формирование механизмов отбора дискурсивных положений и предложений, которые касаются не только управленческой тематики, но и онтологии осуществления власти. В соответствии с концепцией постмодернизма, дискурс власти определяется не только количеством участников, соревнующихся за осуществление властных полномочий и доминирование, но также имеет корни в осуществлении власти как функционального института системного социума, который описывает Никлан Луман. Поэтому, в смысле дискурса власти речи чиновников, а также элиты, которая имеет отношение к руководящим должностям, дискурсивные понятия являются инструментальными. Одновременно внутренний дискурс о власти, который базируется на человеческом опыте определенных властных сообществ, которые, как правило, легитимизируют необходимость своего правления.

Философское значение властного дискурса и дискурса о власти эпохи постмодерна отличается от понимания социально-гуманитарных и общественно-политических дисциплин. Дискурс власти это, прежде всего, властно-субъектный дискурс, в котором властные инстанции выступают спикерами. Дискурс о власти выступает совокупностью речей и речевых актов, которые описывают власть тематически. Поэтому эти два дискурсивные пространства существуют, в большинстве случаев, параллельно и сталкиваются только в условиях, когда власть открыта для общих обсуждений как на уровне экспертной рефлексии, так и на уровне обыденных обсуждений.

Закрытость властного дискурса и ограниченность доступа к нему извне, делает властный дискурс одним из специализированных дискурсов постсовременности. Характеристика власти, как практики и жизненной реальности, проявляется в нарративах тематического дискурса о власти, воспоминаниях облеченных властью субъектов дискурса и исторических наблюдателей.

References:

1. Kolesov MS. *Philosophy of power: political power and the state: Bulletin SevGTU. Sevastopol, SevGTU Press, 2004; Vol. 56: Philosophy; 22-31.*
2. Konov AM. *Phenomenon of power in philosophical and sociological discourse: Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. Issue № 2. 2010; 43 – 46.*
3. Mamaev IE. *Analysis of conceptual models of power and politics in the work of Michel Foucault and Pierre Bourdieu: Belgorod State University. Series: History. Political science. The Economy. Computer Science. Issue number 15 (158). Volume 27, 2013; 186-190.*
4. Marquez AK, del Mar Rivas KM. *Legitimizing discourse in situations of conflict: the language and power after September 11: Political Linguistics. 2 (25), 2008; 63 - 73.*
5. Fromm E. *Adolf Hitler: a clinical case of necrophilia; Trans. from English. M .: Higher. wk., 1992; 143.*
6. Foucault M. *The will to truth: Beyond the knowledge, power and sexuality [Internet] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/*
7. Tsibulevskaya EA. *Nature legitimacy of power in the discourse of transitional type of sociality: Tsibulevskaya EA, Ankudinova KA: Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, 2005, T. 308, № 1; 194-199.*
8. Tsibulevskaya EA. *Transitive period in Russia in the discourse of the concept of "risk society" and the problem of power: Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Issue № 5, Volume 307, 2004; 168 - 173.*
9. Van Dijk TA. *Structures of Discourse and Structures of Power: Communication Yearbook 12, London: Sage Publications, 1989; 18–59.*
10. Wandela T. *The power of discourse: Michel Foucault and critical theory: Cultural Values. Volume 5, Issue 3, 2001; 368–382.*